

«Я служил в армии...»

(Публикация Вековищева М.В.)

«Я служил в армии в Ленинграде в полковой школе младших командиров. Год проходит, два проходит... 22 июня 1941 г. ... Ночью тревога. Стали формировать батареи. Я был назначен командиром зенитного орудия. Приходит политрук, мы спрашиваем, почему тревога, ночью никогда такого не было. А он ответил, что это учёба. А потом смотрим, летят немецкие самолёты и начали бомбить нас и Ленинград. Мы охраняли военный завод. Так продолжалось долгое время. В блокаду половина людей погибла, половина с голоду умерла: давали 100 г хлеба в день. Как-то был очередной налёт. Обычно мы подсчитывали количество самолётов – на этот раз их было более 200. Начали бомбить, и нашу батарею всю разбило – и пушки, и людей. Осталось три человека: командир батареи, я и ещё один, заряжающий. Через 2 – 3 дня пришёл к нам политрук Казарин и сказал: «Вот остались вы, богом оставленные. Я хочу послать Лагутина в училище. Так ты был лучшим командиром орудия. И он послал меня на сборный пункт. А там собралось уже много людей, тоже на учёбу. Нас отправили в Уфу, где прошли ускоренный курс обучения. Мы проучились месяцев 7. Мне присвоили звание «лейтенант» и направили на 1-й Белорусский фронт, который проходил километрах в 25 – 30 от Ленинграда. Там была электростанция, снабжавшая энергией город. Нас обеспечили новыми орудиями и поручили охрану станции. Батарея была укрупнена полностью. Командир батареи, капитан Бутылкин, ну и мы, всякие, русские, нерусские. Мы охраняли станцию месяца 2 или 3, а потом нас перекинули ближе к линии фронта, км 10 – 12. Там мы тоже недолго находились.

...Немец всё рвался и рвался к Ленинграду, скопил немалые силы. Наши тоже хорошо подготовились: немца не пустили, потрепали крепко.

...Из-под Ленинграда я попал на Украину, потом воевали в Польше и недалеко от Австрии. Потом меня направили в 302-ю стрелковую дивизию. Там я был командиром отдельной зенитно-пулемётной роты. Мы должны были вести борьбу с низколетящими самолётами. Мне дали узбеков. Вся рота – почти одни узбеки. Народ они хороший, но если одного ранят, а то и – не дай бог – убьют, все всё бросают, собираются в кучу и плачут перед ним.

...Там я был с полгода, сбил «Мессершмитт-109». За это меня

¹ Лагуткин Илья Дмитриевич, 1920 года рождения.

наградили орденом Отечественной войны II-й степени (наградили не только за сбитый самолёт, но и за хорошо организованный заградительный огонь и личное мужество – М.В.). Потом с боями вошли в Германию. Дошли до Одера. Ночью переправились и двинулись на Берлин. Наши водрузили над рейхстагом флаг.

... Война закончилась. Те части и подразделения, присутствие которых не было необходимым, постепенно выводились в тыл. Нас отправили в Союз.

... До Польши добрались своим ходом. Машины у нас были надёжные, мощные – американские «студебеккеры».

... Потом новое назначение: командир отряда по борьбе с бандеровцами на Западной Украине. Дали мне три села. Там как хочешь, так и борись. Борьба была очень тяжёлая. Хуже, чем война. Месяца три мы там стояли, а потом все заразились чесоткой. Вся Украина была больная. Тело расчёсывали до крови. Мой отряд в конце-концов был отозван, а прислали новый. Чесотку лечили в Польше, довольно долго. После Польши – Украина, Россия. В общем, добрались почти до Москвы. Тут нас расформировали, демобилизовали, и я пришёл домой.

- Всё! (Лагуткин).

- Не всё! (Вековищев).

- А что ещё? (Лагуткин).

... Украинцы встречали нас, как своих – с хлебом-солью и рюмкой водки. А вот в Польше другое дело. Так вроде бы всё нормально было, но поляки старались или выжить отсюда, или уничтожить. Очень вредные поляки были. Это я прямо скажу. У них там много предателей было.

... Когда мы выступали против бандеровцев, командование выделяло людей, боеприпасы, автомашины, бензин – бери, что хочешь, но выполни задачу.

... Бывало так. Входили в село, выбираем дом. Если хозяйка одна (без детей, стариков и т.д. – М.В.), то просили её перейти в другой дом, а сами занимаем этот. А потом – эта ночь – ничего, другая – ничего, а на третью в окна гранаты летят. Выскакиваешь – никого не видно, темно. А если увидишь, живым не возьмёшь. Если только редко-редко. Он, если даже у тебя в руках, пытается вырваться и убежать, чтобы его застрелили: не хочет подводить под репрессии семью.

... На первой неделе был у меня младший сержант Швецов. На рассвете идём на облаву, а он говорит, что пар откуда-то идёт. Может, дюймовая, может, полуторадюймовая труба торчит. Схрон. Подземное убежище. Оттуда мог быть ход в другой схрон или в дом. Маскировали очень хорошо. Иногда выдавали их вентиляционные трубы. Выходы были в дома, даже в колодцы. Даже когда кого-либо преследовали и кому уже некуда было деваться, кончал жизнь самоубийством. Обмундирование у них русское. Шинели и всё остальное.

... Были случаи. Идёт тетка за водой в колодец с двумя ведрами. Ну идёт и идёт. Она спускает в колодец эти ведра, а они полны едой. В стене колодца на уровне воды встроена плита. Бандиты открывают её, забирают еду, наливают воду. Тетка достаёт ведра и возвращается домой.

... Или забежит бандит в дом, вбегаешь следом – никого. Оказывается, в русских печах было два хода. Бандиту заслонку откроют, он залезает туда и во второй ход. По одному ходу дым идёт, в другом бандит сидит. Поди, найди его.

Много народу там погибло. Особенно тамбовских ребят.

Они (бандеровцы) нас ненавидели по-страшному, а мы их. Один бандеровец сдался мне. Ходит неопрятный, шинель тащится. «Ты чего сдался?» – «Надоело. Семью всю убили. Хочу быть с вами». А может он предатель? Приставил к нему охрану, чтобы человек постоянно его контролировал.

... В схронах, когда бандитов обнаруживали и у них не было выхода, бандиты раздевались и рвали себя гранатами, стараясь обезобразить лицо, чтобы невозможно было опознать его. Бывало, что несколько человек ложились голова к голове и взрывали противотанковую гранату.

Сколько мы с ними боролись, сдачи в плен были единичными.